

Научная статья

УДК 81.112

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/71-80>

Специфика жанровой природы и коммуникативно-прагматической организации «Сказания отца нашего Агапия»

Елена Александровна Петренко¹, Анна Сергеевна Аксюткина²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

² Студент кафедры русского языка и литературы, aksyutina.as@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется, как коммуникативная задача автора текста – духовное наставление читателя через повествование о праведнике Агапии – реализуется посредством использования текстов-образцов разных жанров, среди которых наиболее отчётливо прочитываются житие, хождение и слово. «Сказание отца нашего Агапия» демонстрирует пример жанрового синкретизма, сочетая признаки нескольких канонических жанров средневековой православной книжности. Это обуславливает специфику коммуникативно-прагматической организации текста, выражающуюся в композиционных решениях, применении этикетных формул и характерных для каждого жанра лингвистических средств.

Ключевые слова: «Сказание отца нашего Агапия», древнерусская литература, жанровый синкретизм, коммуникативно-прагматическая структура, дискурс

Для цитирования: Петренко Е.А., Аксюткина А.С. Специфика жанровой природы и коммуникативно-прагматической организации «Сказания отца нашего Агапия» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 71–80.

Original article

The specificity of the genre nature and communicative-pragmatic organization of “The Tale of our Father Agapius”

Ekaterina K. Kosareva¹, Tatyana YU. Ma²

^{1, 2} Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

² Student, Department of Russian Language and Literature, aksyutina.as@dvfu.ru

Abstract. This article analyzes the author's communicative goal of providing spiritual guidance to the reader through a narrative about the righteous Agapius. This is achieved by employing

model texts from various genres, most notably hagiography, pilgrimage literature, and homily. “The Tale of Our Father Agapius” exemplifies genre syncretism, incorporating features from several canonical genres of medieval Orthodox literature. This influences the text's unique communicative and pragmatic organization, evident in its compositional strategies (e.g., the assembly of textual units), the use of formulaic expressions, and genre-specific linguistic devices.

Key words: “The Tale of Our Father Agapius”, old Russian literature, genre syncretism, communicative-pragmatic structure, discourse

For citation: Petrenko E.A., Aksyutina A.S. The specificity of the genre nature and communicative-pragmatic organization of “The Tale of Our Father Agapius”. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 71–80. (In Russ.).

Изучение жанровой системы древнерусской литературы представляет собой важную задачу для понимания специфики развития русской словесности. Жанр в древнерусской книжности обладал рядом существенных особенностей, обусловленных как культурно-историческим контекстом, так и доминированием религиозного мировоззрения. «Сказание отца нашего Агапия» является переводом византийского агиографического текста, известного по списку XII–XIII веков в составе Успенского сборника. Текст «Сказания» повествует о путешествии Агапия в Рай с целью получения ответа на вопрос: «Для чего оставляют дома и семьи свои и следуют за Господом?». Этот сюжет является одним из самых распространённых в славянских апокрифических произведениях [9].

Среди византийских текстов о путешествии в Рай «Сказание» отличается повествованием от первого лица (что не всегда отражено в переводе), отсутствием посредников в общении героя с Богом, пребыванием Агапия в Раю и его возвращением. Также необычным является образ Иисуса-кормчего и белоснежного неубывающего хлеба (ещё эти образы можно встретить в апокрифе «Деяния Андрея и Матфия») [10]. Во многом «Сказание» опирается на Новый Завет.

«Сказание отца нашего Агапия» в результате рецепции на славянской почве было включено в корпус текстов церковно-религиозного дискурса. Автор (переводчик) и читатель «Сказания» являются частью средневекового книжного дискурса XII–XIII веков. В рамках данного дискурса создатель памятника функционирует как «глашатай» вечных истин, проповедник-наставник, стремящийся развить и распространить идеи своей конфессии, изложенные в главном тексте – Священном Писании [11, с. 5]. Читателем выступает человек, уже знакомый с основами христианского вероучения, но нуждающийся в помощи при освоении более сложных богословских понятий. Создатель памятника становится проводником между читателем и Священным Писанием.

Апокрифические памятники оказывали сильное влияние на духовную жизнь Древней Руси: приоритетное место в системе древнерусского воспитания занимало религиозно-нравственное воспитание, так как оно помогало сформировать личность, ориентированную на распространение религиозных и духовно-нравственных ценностей. Текст же рассматривался как основное средство внедрения сложных религиозных догм. Поскольку апокрифические произведения не являлись частью конфессиональной книжности, авторы (переводчики, переписчики) таких текстов обладали большей свободой при их создании. Простота изложения и дос-

тупность содержания делали апокрифическую литературу важным инструментом в формировании духовно-нравственных принципов, доступно объясняя сложные религиозные идеи [2, с. 72]. Занимательность повествования, обилие чудес и сказочных элементов в тексте «Сказания отца нашего Агапия» давали читателю подтверждения величия и совершенства Бога и способствовали распространению примера праведной христианской жизни.

В рукописных сборниках апокриф фигурирует под разными названиями: «Хождение святого отца нашего Агапия», «Повесть о преподобном Огапии како ходил в Рай во плоти», «Житие и хождение отца нашего Агапия», «Житие и подвизи преподобного отца нашего Агапия чудотворца» [8]. Заголовок каждой редакции выступает в качестве маркера, который отражает изменение смысловых акцентов, сделанных переписчиком. Вариант апокрифа, взятый для анализа, имеет развёрнутый повествовательный заголовок: «Съказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и домы своя и жены и дѣти и възьмьше кръсть и идуть въ слѣдь оспода якоже Еваангелие велить». Такое заглавие ориентирует читателя на восприятие текста со стороны монашеского аскетического уклада жизни. Если рассматривать текст с этой точки зрения, то целью хождения Агапия становится не сам Рай, а познание тайн служения Господу. Путь Агапия можно рассматривать как метафору монашеского служения – уход от мира ради спасения собственной души.

Для достижения своей коммуникативной цели – наставления читателя на примере жизни Агапия (примере праведной высокодуховной жизни) – книжник использует возможности текстов-образцов разных жанров. По утверждению Д.С. Лихачёва, употребление жанров зависело от практической цели, для которой предназначалось произведение: разнообразие потребностей рождало обилие и многообразие жанров. Каждый жанр имеет свой стиль изложения (хронографический стиль, летописный стиль, агиографический стиль) и свои пути развития [7, с. 18]. Художественная структура произведений древнерусской литературы допускала сосуществование в них различных методов, связанных с этими жанрами: «Соединение литературных произведений по анфиладному принципу – это не только результат внешних условий существования литературы, <...> но и важный эстетический принцип средневековья» [6, с. 38]. На жанровое определение произведения также влиял предмет повествования, что привело к смешению и неясному различению жанров в древнерусской литературе [7, с. 46].

Р. Пиккио определял место произведения в литературном пространстве относительно образцов, на которые ориентировались книжники: ориентация на литературный фонд церковнославянских памятников как на нормополагающие тексты обусловила особую структуру славянских литератур, которая строилась не на жанровой основе, а на господствующем принципе подражания образцам и моделям [11, с. 11]. Образцовые тексты определяли собой разные языковые и стилистические уровни создававшегося по их модели произведения и зависели непосредственно от его темы. Так, помимо абсолютного образца, обладающего полнотой смысла, – Священного Писания, текст может соотноситься с несколькими частными образцами [3, с. 102–103].

Жанровый синкретизм «Сказания отца нашего Агапия» проявляется в специфическом монтаже коммуникативных блоков, который можно представить в виде схемы (табл. 1).

Рассмотрим особенности текстового проявления разных жанров (проповедь, житие, хождение) в «Сказании отца нашего Агапия».

Главная задача жанра проповеди – донести до слушателей, как простых, так и искушённых, основные заповеди христианства. Это подразумевает, что проповедь должна быть понятна и доступна, но при этом не должна терять глубину и значимость для более образованной аудитории. Текст проповеди характеризуется лаконичностью, использованием простых слов. В проповедь часто вплетаются евангельские афоризмы, чтобы объяснить пастве сложные религиозные догмы [5 с. 34]. Одной из основных особенностей православной проповеди является внутренняя диалогизация речи, её экспрессивность, лексические повторы. Эти средства формируют понятийно-терминологическую систему текста, способствуют его целостности, развивают концептуально значимые понятия [12].

Таблица 1

Схема соотношения коммуникативных блоков и их жанров

Жанр			Коммуникативный блок
С к а з а н и е	Молитва		Этикетная формула
	Житие		Житийный зачин
	Хождение	Объявление об отходе монахам	
		Начало пути	
	Слово	Встреча с ребёнком	
		В раю. Описание рая	
	Хождение	Встреча с Иисусом и апостолами	
		Встреча с Иисусом	
	Слово	Беседа с Иисусом	
		Встреча со стариком	
	Хождение	Беседа с Илиёй-пророком	
		Встреча с моряками	
	Житие		Спасение моряков с помощью чудесного хлеба
	Хождение	Встреча с горожанами	
		Воскрешение ребёнка с помощью чудесного хлеба	
	Житие		Встреча с ангелом. Уединение Агапия
			Написание событий своей жизни. Смерть
			Этикетная формула

В тексте «Сказания отца нашего Агапия» большая часть реплик является этикетными фразами, которые относятся к реактивному регистру, или побуждением к действию, что характерно для волюнтивного регистра. Однако внутри реплик находятся фрагменты, которые можно отнести к генеративному и информативному регистрам. В репликах Иисуса Христа и Илии-пророка можно найти объяснение, почему стало возможно путешествие Агапия, и рассказ об устройстве мировой системы (информативный регистр).

Генеративный регистр представляет осмысление информации, связанной с универсалиями мироустройства [4, с. 404]. В речи Агапия встречается фраза «Господь Богъ мой путь есть» (См. Иоан. 14, 6: «Азъ есмь путь и истина и животъ»), которая выполняет проповедническую функцию. Путешествие в Рай становится свидетельством одной из важнейших христианских истин: Господь никогда не отступает от человека, представая в разных обликах, ведёт по своему пути. Агапий трижды повторяет эту фразу, акцентируя для читателя её важность. Видоизменённая цитата становится «тематическим ключом» (по Пиккио). Произведе-

ние начинает отличаться двухмерностью: повествование ведётся на двух уровнях – предметном и иносказательном, содержащем высший духовный смысл. Переход в последний осуществляется с помощью библейского тематического ключа – цитаты из Священного Писания. Евангельские цитаты переключают повествование из предметного плана повествования в духовный [11, с. 12–13].

В тексте «Сказания» присутствует ещё один важный тематический ключ, который содержится в заглавии текста и в вопросе отца Агапия (Господи, съкажи ми, чьсо ради оставляють дома своя и роды и въ слѣдъ Тебе идути). Этот ключ отсылает к Евангелию от Матфея (Мф. 10, 38; 16, 24): «И иже не приимет креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ». Этот стих из Евангелия определяет основную тему памятника – тему следования за Христом и отречения от мира ради этого следования. Употребление этого тематического ключа в начале «Сказания» подчёркивает важность вопроса Агапия. Он не просто любопытствует, а стремится понять суть христианского подвига, понять, почему люди готовы оставить всё ради Христа. Его вопрос погружает читателя в контекст духовного поиска и заставляет задуматься о смысле собственной жизни и о том, что значит следовать за Христом.

«Сказание отца нашего Агапия» использует два важных тематических ключа. Первый, евангельская цитата в начале, задаёт тему отречения от мира и следования за Христом. Второй – подчёркивает мысль о том, что именно Бог является путеводителем на этом пути. Оба эти ключа, искусно вплетённые в ткань повествования, заставляют читателя размышлять о вечных истинах христианства.

Таблица 2

Проявление регистров в диалоге

Регистр	Проявление в тексте
Реактивный	Съдравъ ли еси, Агапие, и чьто есть путь твой?
	Добрѣ ходите и добръ вы буди путь.
Волюнтивный	Братия, кого хотите да поставлю вам игумена въ себе мѣсто?
	Агапе, вьлѣзи къ намъ въ корабль и прѣвеземъ тя аможе хоцещи ити.
Информативный	Си же 12 мужа апостоли суть. Си же лица, яже видиши хѣровими и серафими суть. <...> Мѣста же си раиская суть.
	Си же вся, яже видиши, душѣ суть человеческыя, тобѣ явились гръздовиємъ, поне бо живъ человекъ не можетъ видѣти душъ человеческъ.
Генеративный	Съказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дѣти и възьмьше крѣсть и идути въ слѣдъ оспода якоже Еваангеліе велити.
	Господи, съкажи ми, чьсо ради оставляють дома своя и роды и въ слѣдъ Тебе идути.
	Господь Богъ мой путь есть.

Житие – это произведение, описывающее жизнь праведников и служащее своего рода нравовучением, представленным в повествовательной форме. Важной особенностью житийного жанра становится следование этикетным формулам, которые представляют собой «условно-нормативную связь содержания с формой» (по Д.С. Лихачёву), при этом сама формула могла варьироваться [5, с. 62–63]. Соблюдение этикетности повествования выражается в соблюдении структурной рамки. Традиционная структура жития включает в себя следующие элементы: рассказ о рождении и детстве, о пристрастии

подвижника к службе и почитанию книжном, о главных событиях его жизни, об уклонении от суеты житейской, о смерти и посмертных чудесах [7, с. 281].

Текст «Сказания» сохраняет структурную рамку житийного жанра, исключая два элемента (рождение от благочестивых родителей и рассказ об обучении грамоте) и видоизменяя один элемент (описание кончины Агапия лишено традиционного для житийного жанра посмертных чудес). Отсутствие элементов «рождение от благочестивых родителей» и «рассказ об обучении грамоте», вероятно, обусловлено смешением жанров агиографии и хождения. Для последнего характерно сосредоточение внимания на духовном опыте героя, а не на его биографических подробностях. Отсутствие посмертных чудес в «Сказании», возможно, связано с его апокрифическим характером памятника. Агапий не является официальным святым, его святость заключается в праведной жизни, следовании заповедям Божиим и достижении духовного совершенства. В «Сказании» элемент «уклонение от суеты житейской» повторяется дважды – в начале и в конце повествования. Двукратное повторение не только подчёркивает важность монашеского уклада жизни в системе духовных ценностей книжника, но и обрамляет повествование.

Таблица 3

Реализация житийной формулы в тексте

Житийная формула	Наличие/отсутствие элемента в «Сказании»	
Рождение от благочестивых родителей	-	
Богобоязнь с детства	+	«Агапии отец наш из млада начать Бога бояти ся и заповѣди его храни...»
Рассказ о почитании книжном	-	
Рассказ о главных событиях его жизни	+	Хождение в Рай и возвращение оттуда
Прижизненные чудеса	+	«И ѿша и насытиша ся и четвертую часть юже остави, цѣла бысть паки, яко и не уломлено отъ нея ничь-тоже.»
		«Агапии же вѣниде въ хлѣвину, идеже лежаше сынъ ея на одрѣ, и сътворивъ молитву <...> И съде отрочиши на одрѣ.»
Уклонение от суеты житейской	+	«Живъ въ дому своемъ шесть на десяте лѣтъ, и тако изиде въ манастирь...»
	+	«Иди подѣльгъ моря, и донѣдеже обрящеши мѣсто уготованое тебѣ»
Смерть и посмертные чудеса	+/-	«...и съконча животь свои о укрусѣ иже ему дастъ Илия. И прѣдасть духъ свои слава прѣсвятую Троицю, Отця и Сына и Святаго Духа ныня и присно и въ вѣки вѣкомъ.»

Как уже было сказано ранее, в оригинальном греческом тексте повествование велось от первого лица: фактически памятник представляет собой житие отца Агапия, написанное им самим. Такая форма повествования была необычной для агиографической литературы, она не соответствовала жанровым образцам. Для древнерусского книжника, чьё мировоззрение формировалось в рамках традиционализма, написание книг было обусловлено не стремлением к оригинальности, а необходимостью соответствовать существующим образцам. Поэтому древ-

нерусский переводчик приводит «Сказание отца нашего Агапия» к более привычной форме, в которой повествование ведётся от третьего лица. Однако название сохраняет задумку перволичного повествования греческого автора. Данное решение не следует считать противоречием формы рассказа и заглавия, ведь для древнерусской литературы имя, приданное книге, – это не «имя сочинителя», но имя «содержания», имя самого предмета [1, с. 108]. Иными словами, название «Сказание отца нашего Агапия» акцентирует внимание на личности главного героя и его духовном опыте, в то время как форма изложения от третьего лица отвечает распространённой практике древнерусской книжности.

Тем не менее в отдельных фрагментах переводчик сохраняет оригинальную форму рассказа. Первый фрагмент небольшой по объёму и его сохранение скорее случайность. Второй фрагмент, сохранивший повествование от первого лица, значительно больше по объёму и представляет собой часть таинства, которое проводит Илия-пророк вместе с отцом Агапием. Сохранение данного фрагмента, вероятно, обусловлено особым статусом описываемого таинства: Агапий рассказывает о том, что недоступно другим людям, о знании, которое он не должен рассказывать («Илия же съказа ми вся, ихъже неудобъ съказати никомуже, и приведе мя паки къ хрѣсту и сътвори молитву съ мною»). Этот фрагмент можно рассматривать как апелляцию к более авторитетному источнику.

Хождение – жанр, представляющий собой путевые записки, в которых паломники описывали свои впечатления от посещения иностранных земель. В них излагаются средневековые исторические, географические и другие сведения о мире. Для хождения важную роль играет описание хода путешествия и места путешествия. Для писателя XII в. важно то, о чём говорится, а не то, что говорится. Поэтому в начальной части высказывания стоит имя – в широком грамматическом смысле («И въставъ, оттудѣ приде въ мѣста нѣкая невѣдома. И обрѣте ту дрѣва различна, и цвѣты цвѣтуща различны, и овоща различны») [5, с. 75]. Выражение пространственно-временных отношений обладало особенностью, которая заключается в том, что пространство и время не дифференцированы в сознании – отрезок пути обозначается периодом времени, которое требуется, чтобы их пройти («Агапий же иде подълъгъ моря многы дни и обрѣте стѣны высокы») [5, с. 75].

Хождение состоит из ряда законченных в смысловом отношении ритмико-синтаксических отрывков (тем), из-за чего повествование получается фрагментарным [5, с. 74]. Эти темы построены по принципу рамочной конструкции: рамка начинается и заканчивается схожими речевыми конструкциями [5, с. 75]. Границы каждой темы маркируются параллельными речевыми конструкциями, в анализируемом памятнике соединение отрывков происходит с помощью анафористических союзов *а*, *и*:

«**И** въставъ, оттудѣ приде въ мѣста нѣкая невѣдома. **И** обрѣте ту дрѣва различна, **и** цвѣты цвѣтуща различны, **и** овоща различны, ихъже не видѣ никѣтоже николиже»;

«Овѣмъ бяше яко злато перие, **а** другимъ багъряно, инѣмъ чървлено, **а** другимъ сине **и** зелено **и** различными красотами **и** пѣстрогами украшены».

В «Сказании» принцип рамочного построения текста раскрывается не только на синтаксическом, но и на композиционном уровнях. Текст построен как цепи препятствий, которые преодолевает Агапий на своём пути. Произведение имеет двухчастную структуру: первую часть занимает описание пути к месту, где герой должен получить ответ на свой вопрос; во второй части говорится об обратном пути Агапия в мир, сотворённых им чудесах и конце

жизни героя. Путь симметричный, обратная дорога проходит те же условные этапы, при этом не повторяя путь в Рай в точности.

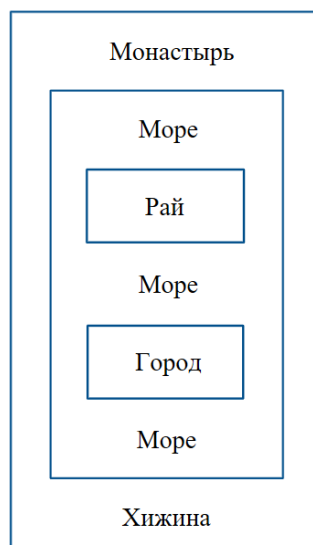

Рис. 1. Схема построения композиции текста «Сказания»

Для заглавия памятника автор использует жанр **сказания**, выбор этого жанра отражает жанровую специфику произведения. В древнерусской литературе термин «сказание» мог обозначать любой письменный текст, вне зависимости от его тематической направленности и стилистической окраски [6, с. 45]. Употребление данного жанра в контексте «Сказания отца нашего Агапия» указывает на синкретический характер произведения, объединяющего в себе элементы различных жанровых моделей, таких как проповедь, житие и хождение.

Текст сказания имеет два плана повествования – реальный и «разговорной», который воспроизводит прямую речь героев в том виде, как они «должны были говорить» в своё время. Таким образом, основному повествовательному времени – **аористу**, противопоставляется *презенс* прямой речи [5, с. 29]. Текстообразующими элементами сказания являются анафорические союзы, книжные конструкции (да + презенс).

И събъра вься калугеры и **рече** имъ: «Братия, кого хощете да поставлю вам игумена въ себе мѣсто?» Братия же **рекоша** къ нему: «А ты ся камо хощеши дѣти отъ насъ?» Агапии же **рече** къ нимъ: «Господь Богъ *отводитъ* мя отъ васъ, и азъ *иду* въ пути Господня. Вы же кого хощете да поставлю вам стерѣшину?»

И егда хотѣ поклонити ся рещи: «Добрѣ вы буди путь», тѣгда великыи мужъ **рече**: «Съдравъ ли *еси*, Агапие, и чѣто *есть* путь твой?» И рече Агапии: «Господь Богъ мои путь *есть*». И постоявъ мало Агапии **видѣ** окръсть его лица человечьска многа и пѣтиця перьнаты, и пѣсни и славу велику. И падѣ поклонихъ ся прѣдъ нимъ глаголя: «Господи, кѣто ты *еси* и сия 12 мужа? И яко *вижду* окръст тебе лица человечьска мѣнога и пѣтицѣ перьнаты и славу велику, и сия мѣста кая *суть*, въ нихъже се азъ *есмь*?»

Таким образом, текст «Сказания отца нашего Агапия» представляет собой яркий образец жанрового синкретизма в древнерусской литературе. В памятнике органично сочетаются элементы различных жанров, что создаёт уникальную коммуникативно-прагматическую структуру. Употребление образцов разных жанров в «Сказании» подчинено задачам автора, которые заключаются во внедрении духовно-нравственных ценностей в мировоззрение чита-

теля на примере праведной высокодуховной жизни, прославлении монашеского уклада, указании на путь духовно-религиозного спасения. Обращение к различным жанровым моделям, а именно моделям агиографии, хождения и проповеди, обусловлено стремлением создать образ идеального христианина, а также наиболее эффективно воздействовать на читателя. Комбинируя элементы различных жанров, автор создаёт многослойный текст, который не только рассказывает историю, но и предлагает духовные ориентиры и вдохновляет на праведную жизнь.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Авторитет и авторство // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наука, 1994. С. 105–125.
2. *Воробьева С.Н.* Апокрифическая литература в контексте религиозно-нравственного воспитания древнерусского человека // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 71–76.
3. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
4. *Золотова Г.А., Ониперко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
5. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
6. *Лихачев Д.С.* Жанры и виды древнерусской литературы. Литература и действительность // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л.Н. Гусева, Л.Л. Короткая. Минск, 1979. С. 33–52.
7. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. 372 с.
8. *Мильков В.В., Смольникова Л.Н., Хачатурян В.М.* Апокрифы Древней Руси: Тексты и исслед. М: Наука, 1997. 256 с.
9. *Пенская Д.С.* Византийское «Сказание отца нашего Агапия»: греческий текст и славянский перевод // Slověne. 2017. Т. 6, № 2. С. 101–136.
10. *Пенская Д.С.* Плавание со Христом. «Деяния Андрея и Матфия» как один из источников «Сказания отца нашего Агапия» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2015. № 4(44). С. 35–49.
11. *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. 720 с.
12. *Шабанова З.Г.* Лингвистические средства воздействия православной проповеди (в историческом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 165 с.

References

1. *Averintsev S.S.* Authority and authorship. Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness. M.: Nauka, 1994. P. 105–125. (In Russ.).
2. *Vorobyeva S.N.* Apocryphal literature in the context of religious and moral education of the old Russian man. The World of the Russian Word, 2017, no. 2, pp. 71–76. (In Russ.).
3. *Zhivov V.M.* Features of the reception of Byzantine culture in ancient Russia. Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture. M.: Languages of Slavic Culture, 2002. P. 73–115. (In Russ.).

4. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. Yu.* Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p. (In Russ.).
5. *Kolesov V.V.* Old Russian literary language. L.: Leningrad University Press, 1989. 296 p. (In Russ.).
6. *Likhachev D.S.* Genres and types of old Russian literature. Literature and reality. Ancient Russian Literature in Research: Anthology. Comp. L.N. Guseva, L.L. Korotkaya. Minsk, 1979. P. 33–52. (In Russ.).
7. *Likhachev D.S.* Poetics of old Russian literature. L.: Nauka, 1979. 372 p. (In Russ.).
8. *Mil'kov V.V., Smol'nikova L.N., Khachatryan V.M.* Apocrypha of Ancient Russia: Texts and research. M: Nauka, 1997. 256 p. (In Russ.).
9. *Penskaya D.S.* The Byzantine “Tale of Our Father Agapius”: Greek text and Slavic translation. *Slověne*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 101–136. (In Russ.).
10. *Penskaya D.S.* Sailing with Christ. “The Acts of Andrew and Matthias” as one of the sources of “The Tale of Our Father Agapius”. *St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology*. 2015, no. 4(44), pp. 35–49. (In Russ.).
11. *Picchio R.* Slavia orthodoxa: Literature and language. M., 2003. 720 p. (In Russ.).
12. *Shabanova Z.G.* Linguistic means of influence of orthodox sermon (in historical aspect): Abstract of Ph. D. thesis. Makhachkala, 2006. 165 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 22.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 23.02.2025

Принята к публикации / Accepted 25.02.2025